

Александр
Махнёв

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Александр Владимирович Махнёв
Люди и судьбы (сборник)
Серия «Жизнь и судьба (Горизонт)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24161230
Люди и судьбы. Повести и рассказы: Горизонт; Москва; 2017
ISBN 978-5-00095-325-9

Аннотация

В книгу автор включил повести и рассказы о простых людях, людях интересной и сложной судьбы, здесь и старшее поколение, прошедшее тяжкие испытания войной, и его современники, и молодёжь. Героев повествований объединяет стремление самим управлять своей судьбой, самим её строить, как бы сложны и противоречивы ни были жизненные обстоятельства.

Содержание

От автора	5
Случайная встреча	8
Ларкин. Наша клятва	12
Что было дальше	17
Встреча. Рассказ Ларкина	20
О себе	28
Александров. Его любовь	31
Старики	35
Питер. Расставание	37
Просто солдат	40
Защитница блокадного Ленинграда	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Махнев

Люди и судьбы

*Книгу эту я посвящаю внукам Кириллу, Анне,
Владимиру, Ивану и Мариш.*

© Махнев А.В., 2017

* * *

От автора

Человек, его судьба всегда были и по-прежнему остаются предметом серьёзного изучения. Что есть судьба – «...стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека...»¹, или это вполне управляемый человеком процесс? Судьба – это предопределённость или свобода выбора? Сложный вопрос, вопрос философский, и простой ответ на него – «да» или «нет» – мы вряд ли увидим.

Обращаемся к мнению авторитетных людей.

Ивану Сергеевичу Тургеневу принадлежат слова: «Каждый делает свою судьбу, и каждого она делает». Что, разве не верно? Или вот ещё: «Стремись всегда побеждать скорее себя, чем судьбу, и менять скорее свои желания, чем порядок в мире». Это уже от Рене Декарта. С этим тоже можно согласиться. А вот мнение Николло Макиавелли: «Можно, думается мне, полагать истинным, что судьба распоряжается половиной наших поступков, но управлять другой половиной, или около того, она предоставляет нам самим».

Действительно, человек живёт в определённых жизненных условиях, их течение не всегда зависит от него, но его деятельность в рамках этих жизненных обстоятельств носит разный характер. Кто-то может согласиться: «Эх, судь-

¹ Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведова. Здесь представлена одна из первых трактовок термина «судьба».

ба... Пусть всё идёт, как идёт», а есть люди, которые, пройдя сквозь тернии, колючки этих, казалось бы, судьбоносных обстоятельств, возрождают себя, делают свою жизнь полноценной и комфортной, сами ваяют свою судьбу. Наверное, с этим согласится каждый.

В творчестве большинства писателей в центре всегда находится человек, и обстоятельства его существования составляют как раз сюжетную линию, проще сказать, основу повествования. Я не исключение. Меня всегда интересовал конкретный человек, его жизнь и судьба.

Настоящее издание называется «Люди и судьбы». Я включил в него повести и рассказы о людях, может, не всегда героических, не всегда заметных, но чрезвычайно интересных, здесь и старшее поколение, прошедшее тяжкие испытания войной, и мои ровесники, и молодёжь. Героев моих объединяет стремление самим управлять своей судьбой, самим её строить, каковы бы ни были житейские обстоятельства.

Вот рассказ «Узник Дахау». Это не выдуманная история. Война, концентрационный лагерь, рабство по своей сути – всё это предстаёт как неизбежное для моего героя, юноши по имени Николай. Однако, пройдя все эти ужасы, вопреки «судьбе-злодейке» паренёк выжил. И не просто выжил, остался Человеком, сам выстроил свою дальнейшую судьбу, достойно жил и умер достойно, умер, защищая слабого.

В весьма сложной жизненной ситуации оказался мой герой полковник Истомин (рассказ «Бомбила»). Он был не

единственным, кто попал в передрагу девяностых. Казалось бы, всё – силой обстоятельств отобран привычный армейский уклад жизни, хоть в петлю, но нет, не сломала судьба офицера, выстоял он. Сумел достойно принять удар жизни и сам, подчёркиваю, только сам, своим умом и талантом, вновь создал себя. Такими людьми стоит гордиться.

Все мои повести и рассказы в этой книге – об этих людях. Не герои они, они просто люди, со своими характерами, достоинствами и недостатками. Они просто люди, достойные уважения и понимания.

Думаю, прочитав книгу, вы поймёте меня.

С уважением

Александр Махнёв,

член Союза писателей России.

Случайная встреча

Кто бы рассказал, не поверил, что такое возможно. Представьте себе, в многомиллионном городе, в Москве, я по-встречал человека с того света. Да, да, человек, которого я увидел выходящим из машины у метро «Парк культуры», — умер более пятидесяти лет назад. Во всяком случае, и я, и кто некогда его знал, были убеждены в этом. Черты лица, а главное, татуировка в виде небольшой звёздочки на правой руке говорили: мне этот человек хорошо известен. Эту звёздочку на руке я усмотрел, когда мужчина, выходя из машины, опёрся правой рукой о дверцу «мерседеса». Инстинктивно бросил взгляд на свою руку. На правой и у меня такая же татуировка, отметина юности. Сердечко ёкнуло. Не может быть, это не он. Пройдя чуть вперёд, я обернулся и глянул на незнакомца. Полста лет прошло, но черты лица человека неуловимо напомнили мне друга детства. Мужчина понял — я наблюдаю за ним — и насторожился. Молчать я уже не мог:

— Ларкин, ты?

— Позвольте, а вы кто?

Да, голос его. Глаза. Точно, это он! Я вновь обратился к

мужчине:

– Володя! Ларкин, это ты?

– Да, Ларкин я, а вы кто?

Мужчина внимательно смотрел на меня, явно не признавая во мне знакомого. Ещё бы, столько лет. Я подошёл к нему ближе:

– А вы гляньте, может, что и вспомнится? – и протянул к нему внешнюю часть правой кисти руки. Чуть ниже указательного и большого пальцев красовалась небольшая татуировка в виде звёздочки. Человек бросил взгляд на свою руку.

– Да не смотри, у тебя такая же!

– Саня? Да не может быть... Мать честная, неужели это не сон! Вот это встреча!

Мы обнялись. Встреча была настолько неожиданной, что некоторое время мы не могли сказать ни слова. Молча стояли, обнявшись, и похлопывали друг друга по плечам.

– Владимир Львович, пора, мы уже опаздываем, – прервал эту паузу спутник Ларкина.

– Да, да, сейчас. Послушай, Саша, я должен ехать, но встретиться мы не просто должны, мы обязаны. В Москве буду неделю. Позвони по этому телефону, это московский номер. Я снял квартиру на Тверской, у Маяковки. Позвони сегодня, где-нибудь после девяти вечера, согласуем время встречи. Договорились?

Володька сунул мне в руку визитку, улыбнулся, пробурчал под нос: «Это же надо...» – и сел в машину. «Мерседес»

умчался, а я, всё ещё ошарашенный встречей, стоял у метро.

Весь день я был под впечатлением этой встречи. Дома, порывшись в архивах, нашёл старенькие фотографии того периода. Ага, вот и мы. Стоим, рожицы корчим, улыбаемся. Вот я, вот Володька, Женька, друг наш, рядом. Вот наш военный городок, наши мордашки на фоне домов офицерского состава, где мы жили с родителями. А вот фотографии на дне рождения Женьки Александрова. Наши родители, мы, на лицах улыбки, все весёлые, довольные жизнью. Как давно это было. Не верится, что это вообще было. Пятьдесят лет, вроде как и не много, а вдумаешься – это же вечность, целая эпоха позади. Да, годы идут, просто бегут, мчатся. Уж и не достать прошлого, вот только фотки и напоминают, какими мы были.

Впервые с Володькой Ларкиным мы познакомились осенью 1963 года. Мой отец завершил службу в ГСВГ (Группе советских войск в Германии), и после пяти лет пребывания в ГДР он переводится в Союз. Батя был отменным служакой, а потому не просто по плану перемещён на родину, а получил назначение с повышением, и именно туда, где было удобно жить нашей семье, в Белоруссию. Мама моя с рождения жила здесь, их встреча с отцом также произошла на белорусской земле, и мы с сестричкой родились в Белоруссии, так что на радость всему нашему семейству это был переезд на родину.

Военный городок рядом с Гомелем. Городок маленький, уютный, тихий, весь в осенней жёлто-зелёной листве. По-

сле суеты немецкого Потсдама и трёхэтажных серых жилых глыб военного гарнизона, где мы прежде обитали, он был действительно невелик, да ещё и безлюден. Автобус привёз нас сюда поздним вечером. Разгрузились. Родители принялись обустраивать наше новое жилище, а мы с сестричкой немедля побежали на улицу: хотелось поскорее познакомиться с окрестностями. Побродив рядом с домом, мы присели в небольшой беседке у забора.

– Привет соседям, – к нам шёл невысокого роста черноволосый паренёк, – это вы новенькие, те, что из Германии приехали? Отлично, а я рядом здесь живу, Володя меня зовут.

Это он и был, Ларкин Владимир.

Ларкин. Наша клятва

Ларкин оказался компанейским парнем. Он мне был почти ровесник, на год старше, и у него, как и у меня, была сестра, только на пару лет его моложе. И отец его, как и наш, был заместителем командира части, ведал он техническими вопросами. Семья Ларкиных жила совсем рядышком, буквально в десятке метров. Сколько совпадений сразу, и это было приятно. Я сразу понял, с Вовкой мы подружимся. Уже на следующий день – а это было воскресенье – он всю шефствовал над нами, познакомил с городком, показал нам все его уголки, все щели и тропки вокруг него. Впрочем, как я и предполагал, много времени на это не потребовалось, городок был невелик: с десятков аккуратных жилых строений, котельная, баня и магазинчик. Это, так сказать, жилая зона, и складская, куда нам, ребятишкам, доступа не было. И самое главное, Володя познакомил нас с ровесниками, проживающими здесь постоянно. Это было несложно сделать, так как в выходные дни местная молодёжь, как сегодня говорят, тусовалась на детской площадке.

В городке детей школьного возраста набиралось что-то около двух десятков. Несколько человек учились в начальных классах. Начальная школа была в ближайшей деревне, малышей туда отводили и забирали родители, это было недалеко, километра полтора. А вот дети постарше учились в го-

роде. Ежедневно по будням по школам областного центра их развозил специальный автобус.

По совету родителей Ларкина мы с сестричкой записались в школу, где учился Володька, и, как показало время, ошибки здесь не было – школа была прекрасной. Мы быстро сдружились с ребятами, коллектив, как говорят, нас принял. Володя учился на класс старше, на год он взрослее нас был, так что в школе мы встречались лишь на переменах. Дома также встречались не часто, дело в том, что в городе у Ларкиных была квартира, здесь жила их семья всю неделю, кроме выходных. Отец же Володьки постоянно жил в городке в служебном жилье. Так что их семья встречалась в полном составе только в субботу и воскресенье.

Были у Володи две страсти, два увлечения. Он собирал марки и коллекционировал информацию об огнестрельном оружии. С марками – понятно, для любого филателиста возможности коллекционирования были вполне доступны, в городе был клуб филателистов, марки можно было обменивать в клубе, либо купить на почте, или в книжных магазинах. Что же касается оружия, всё ограничивалось изучением литературы, но при этом Володя прекрасно разбирался в марках и характеристиках ружей и пистолетов, а про «вальтер» мог часами рассказывать. Именно этот пистолет ему нравился больше всего. Дома у него в папочках были аккуратно разложены газетные и журнальные вырезки об оружии. Когда он мне их показывал, а главное, рассказывал об оружии, глаза у

него прямо-таки светились, видно было – этот интерес у него надолго. К занятию филателией он привлёк и меня. Родители поощряли моё новое увлечение и вскоре подарили пару кляссеров и несколько подарочных наборов с марками. Это был мой начальный капитал. Общее увлечение ещё больше сблизило нас. И, конечно, не могло нас не роднить стремление стать офицерами. И я, и Володя всю свою ещё очень юную жизнь жили в военных городках, видели и ощущали военный уклад жизни. В те годы человек в погонах был в почёте, а потому о другой судьбе, кроме профессиональной военной службы, мы и не мечтали. В этом солидарен был с нами и сын командира части, Женька Александров. Он, как и Володя, был старожилом городка. По возрасту Женя на два года был старше меня, учился в машиностроительном техникуме, жил в общежитии студентов в городе и лишь на выходные приезжал к родителям.

Наши родители частенько встречались семьями, а уж в праздничные дни они обязательно собирались то в доме командира, то у нас или у Ларкиных. Это была добрая, хорошая традиция. На встречах всегда царила дружеская атмосфера, шутки, воспоминания прошлых лет, песни. Обязательным было чаепитие, может, и рюмочка к какому-либо событию, и, конечно, домашние разносолы наших мам. И мы здесь обязательно присутствовали, нам накрывался отдельный стол с тортом, компотом, минералкой и чаем. Всё это сближало нас и роднило. Особенно сдружились мы уже на-

кануне окончания своих учебных заведений. В тот 1966 год выпуск десятых и одиннадцатых классов в связи с реорганизацией системы среднего образования был проведён одновременно, то есть мы с Володиёй вместе выпускались из школы, у Жени этот год также был выпускным.

А вот и фотография нашей последней перед убытием в военные училища встречи. Это был День Победы. Родители собрались вместе у Александровых. Девятое мая в наших семьях был особо почитаемый день. И Женин отец, и Володин прошли всю войну. Александров был дважды ранен, мой отец хоть и не воевал, моложе был, но участвовал в Параде Победы в июне 1945 года. Естественно, все любили и уважали этот праздник. За столом было шумно, весело, отцы вспоминали суровое военное время, матерям, которые также прошли серьёзные испытания в сороковые годы, также было о чём поговорить. Посидев с часок за столом, мы вышли на улицу. Было у нас своё излюбленное местечко, старая заброшенная казарма, вход в неё вроде как на замке, но замок этот был просто накинут на петли и легко снимался. Говорить нам было о чём, мы были уверены, что станем офицерами, и перебирали учебные заведения, где будем учиться, а выбор училищ в те годы был весьма велик. Отец Женьки и мой батя предлагали нам поступать в Рижское командно-инженерное артиллерийское училище. Резон, безусловно, в этом предложении был: во-первых, военная подготовка там давалась хорошая, да и специальность военного инженера не такое уж

и плохое подспорье в жизни. Военный инженер, не просто лейтенант, а это уже многое значило. В общем, на эту тему и не спорили, а больше говорили, как будем жить после окончания училища. Мы понимали – ещё пара месяцев, и разбежимся в разные стороны по стране Советской, по частям и гарнизонам. Начнётся своя жизнь, жизнь уже самостоятельная, наверняка интересная и непростая. Мы это хорошо понимали. И вот, помнится, именно в том разговоре возникли две темы. Первая – о наших родителях. Может, под впечатлением застольной праздничной майской встречи, воспоминаний отцов и мам о войне, договорились мы никогда не забывать о стариках, так называли мы тогда родителей, но в этот термин мы вкладывали нашу искреннюю любовь и нежность к ним. Много мы тогда говорили, говорили без шуток, говорили очень серьёзно, как взрослые, о самом сокровенном: о верности, о чести, о необходимости сохранить память нашего товарищества. И вот тут Володя, да, именно он, предложил закрепить этот разговор. Закрепить нашу договорённость о дружбе той самой отметиной, которую я сегодня, да и Володька тоже, рассматривал у метро. Эта незамысловатая татуировка, звёздочка, и сейчас жгла мне руку и освещала память.

Что было дальше

Дальше всё шло, как мы и планировали. В июне наши с Женей документы были рассмотрены в военкомате, мы готовились к поступлению, читали, зубрили, одним словом, всё делали, что и положено абитуриентам. У Володьки дело шло сложнее. Почему-то его документы в наше училище завернули, тогда никто не мог объяснить почему. Лишь спустя годы мы узнали, что завернули Вовкины бумаги только потому, что он еврей, а с такой анкетой в училище ракетных войск стратегического назначения дороги не было. Кто же мог тогда знать об этом? Отец Вовки, переживая за сына, понимая его искреннее стремление стать офицером, всё же добился предоставления возможности сыну поступать в среднее артиллерийское училище в городе Сумы. Вовка был счастлив.

За неделю до убытия мы вновь встретились в нашем потаённом месте, как взрослые, распили бутылку рислинга, вновь говорили о наших мечтах и устремлениях. Расставание прошло буднично, я к поезду прибыл, считай, с выпускного вечера. Женьку на вокзал привёз отец. Вовка о нашем отъезде узнал только на следующий день – в сё было как-то скоро и незаметно. А дальше была переписка с другом Володькой по почте и практически ежедневные встречи с Женькой. Учились мы на одном факультете, но в разных учебных группах. Напряжение учебных занятий было чрез-

вычайное, а потому вскоре мы стали ограничиваться лишь просьбой передать приветы другу, когда писали письма родителям. И с Женькой встречаться было уже проблематично.

Прошло три года, многое изменилось к этому времени. Мы повзрослели, возмужали. Женька женился. Володя стал лейтенантом. Судьба его сильно побила. Умер отец. Отца Володи очень любил, он его боготворил и не понимал, как жить без родного ему человека. Эта потеря дорого обошлась и семье Ларкиных. Мама Володи уже давно помышляла о выезде в Израиль, только служба мужа была препятствием в достижении этой цели. И вот, похоронив супруга, Софья Марковна с дочерью выхлопотала разрешение уехать на историческую родину, и спустя ровно год после похорон мужа и отца они уехали. Володя к этому времени служил в военной части рядом с Гомелем. Тяжело он пережил тот год. Говорили, запил, по службе пошли нелады, одним словом, сломался мужик. Всего этого мы не знали, а родители нас не информировали, наверное, щадили нашу психику, всё же речь шла о нашем товарище. Володька тем временем писать практически перестал.

И вот через моих школьных друзей дошла весточка – повесился наш товарищ, и родители подтвердили: не стало нашего друга Володи Ларкина. Естественно, новость эта нас с Женькой просто ошарашила. Мы не могли поверить, что такое могло произойти с нашим другом.

А сегодня вот эта встреча...

Перебирая фотографии, я всматривался в наши счастливые, безмятежные лица, вспоминал былое и всё же не верил, что я сегодня встретил того, кого уже несколько десятилетий считал погибшим.

Встреча. Рассказ Ларкина

Я позвонил Ларкину, и мы договорились о встрече. Его рабочий график был настолько плотным, что встретиться мы могли только поздно вечером следующего дня, а дальше он улетал в Израиль. И вот я на Тверской. Дом найти не было проблем, но пробиться сквозь толщу охранных домофонов и прочего мне уже было не под силу. Володя вышел встретить, и вот мы – в уютной трёшке старинной московской пятиэтажки.

– Хороши хоромы? Это наш банк снимает, командировок много, по гостиницам надоело носиться, и я принял решение квартиру снять. Уютно здесь, по-домашнему, для отдыха обстановка вполне комфортная. Да ладно, садись, рассказывай, столько лет не виделись.

– Нет уж, дорогой, это ты рассказывай. Столько лет не объявлялся, а ведь и найти мог, позвонить, объяснить, что к чему.

Володя нервно вышагивал по комнате. Закурил. Видно было, тяжело ему начинать разговор. Конечно, выскочил, как чёрт из табакерки, из своего «мерседеса», а тут я, и если бы не звёздочка на руке да не мои причитания: «Ларкин ты ли это?» – вряд ли бы мы встретились.

– Ты меня не торопи, давай лучше по маленькой, за встречу.

Прошли в столовую, здесь был накрыт стол. Скрамненько накрыт, однако по-мужски изящно и со вкусом: коньяк, лимон, маслины и прочее.

– Видишь, как старался, даже лимон купил. Ну что, за встречу!

Мы выпили, помолчали. Володя вновь стал маятником вышагивать вдоль стола, благо место было. Видимо, легче ему так было. Я молчал.

– Знаешь, тяжело всё вспоминать, сложно возвращаться к пережитому. Я ведь и вас не искал только потому, что памятью своей не хотел возвращаться в прошлое. Страшно, горько и обидно всё вспоминать. Так уж получилось, понимаешь, дважды я умирал. Да, да, именно так, дважды. Казню теперь себя, слаб был, стыдно, спустя годы хорошо понимаю, стыдно, а прошлого уже и не вернёшь...

В тот год как-то всё навалилось, и всё сразу. Сначала кончина отца. Я ведь все последние дни был с ним. На моих глазах умирал. Мне тогда был двадцать один год. Да, может, чуть больше. Сколько он мне рассказал за эти дни – за все предшествующие годы я столько не слышал от него. Ты же помнишь, молчуном он был. А тут как прорвало. Ладно. Умер батя, похоронили, а тут мать заладила: не могу жить здесь, надо уехать. Оно, может, и надо было бы, ведь в Союзе никого из нашей родни не осталось, в Израиле тётки да дядьки. Звонили, письма писали, официальные запросы направляли. А мне что делать? Ведь лейтенант я, кто меня за ру-

беж пустит? И вот через год после смерти отца мама и сестрёнка уехали. Одинёшенек я остался. Службе весь отдался, дневал и ночевал в части. Хвалили, обещали даже досрочно старлея присвоить, в должности повысить. Оно вроде всё как и неплохо, но без родных тоска зелёная. Подруги в тот период у меня не было, друзей как-то тоже не заимел, да и не очень-то мои коллеги стремились с еврейчиком корешковать, я это чувствовал. Вы с Женькой уже реже писали. Понимаю, учёба, накануне выпуска не до писем. И вот решил я попробовать к родным перебраться. Сходил к отцу на могилку, попросил его согласия. Понимал, что зря всё это, всё одно отец молчит, но душу, безусловно, облегчил. Написал рапорт по команде, долго над ним корпел, пытался пояснить всё на бумаге. Дурак... Не понимал, что тем самым приговор своей офицерской службе написал, а не рапорт. Комбат в шоке, отматерил, выгнал из кабинета и к командиру полка за советом. Ответ был уже вечером. Рапорт порван, матюгов при этом я наслушался – мама не горюй. Позднее особист начал воспитывать: всё адреса, пароли и явки выпытывал. Понял я, врага народа из меня делают. На следующий день парторг моё заявление о приёме в партию завернул, при этом также не преминул мораль прочесть. Вечером комсомол разобрался, что-то там в идеологии мне приписали и из ВЛКСМ турнули. Вот так за пару дней всё и случилось. Никто не вспомнил, что батарея моя в отличных числится, что в дисциплине нет нам равных, техника в прекрасном состо-

янии, а вот врагом народа, и лишь по причине просьбы об увольнении, стал мгновенно. Неделью на службе чувствовал себя как под микроскопом. Вроде как прожектор влупили на меня в полную мощь и всё разглядывают, разглядывают. Замполит полка выслушать было попробовал, да и тот в конце беседы воспитывать принялся. Всё, думаю, вышвырнут на улицу, да ещё с волчьим билетом. Пришёл домой, а там пусто. И такая тоска, такая безнадёга напала, мочи нет. Полбутылки водки саданул, музыку в приёмнике погромче сделал – и в петлю.

Очнулся в больнице, лежу в белой палате, на белой кровати, ну всё, думаю, в раю: в аду, наверное, не так чисто и бело. Нет, голоса слышу. Жив! Оказалось, сосед зашёл попросить музыку тише сделать, двери я только на ночь приучен был закрывать. Ты же помнишь, наш дом – это как большая коммуна, всё настежь. Так вот, увидел сосед меня на верёвке, не запаниковал, вынул из петли и скорую вызвал. Очнулся я уже в больнице. Плохо мне, тошнит, мозги расплавлены, не понимаю, что произошло, что случилось...

Через день выписали, прихожу домой, а соседи на меня смотрят как на инопланетянина. Удивляются, мол, ты что здесь делаешь? Ты же вроде как умер. Наверняка и ваши друзья узнали о моей кончине именно в те дни. Из части посыльный прибежал, мол, вызывают вас, товарищ лейтенант, на мандатную комиссию. Всё, думаю, приехали: мандатная комиссия – значит увольнение по статье. Это всё.

Какого хрена, думаю, сосед вытащил из петли, лучше бы я сдох. Слёзы из глаз. Разрыдался. Нет, думаю, надо с этой жизнью кончать, не смогу я больше жить, не смогу. Саша, ты же помнишь, оружием я некогда бредил, разбирался в нём, вырезки собирал. Так вот, у меня кроме вырезок ещё и настоящий немецкий «вальтер» был, и патроны к нему, от отца достался. Батя с войны у себя держал, а перед своей смертью мне передал. Ясно, для благих дел, как память, как талисман передал. Этот пистолет ему на фронте жизнь спасал, и не раз. И вот тут я вторично решил свести счёты с жизнью. В сердце шарахнул, уверен был, что не промахнусь. И вновь загремел в больницу, теперь, правда, надолго. Где-то месяца два в коме лежал. Девчонка, сиделка, меня выхаживала, да так выхаживала, что и втюрилась.

Дело к выписке. Я опять в тоске. Опять в эту проклятую жизнь надо возвращаться. Не хочу, ой как не хочу. А девчонка, санитарочка эта, вроде учуяла моё настроение и предложила к ней в деревню переехать, под Гомелем она жила, километрах в десяти. А у меня абсолютная апатия к жизни, безразличие и полная опустошённость в душе. Будь что будет, переехал. Домой разок съездил, а там опять от меня шарахаются, как от чумного. Что делать? И тут вспомнил я о товарище отца. Василий Захарович известным в городе был человеком, решить мог любой вопрос. А для меня он ещё был и другом отца, меня малышом знал, к матери неравнодушен был. Он, кстати, и помог маме с сестрёнкой в Изра-

иль выехать. Позвонил я дяде Васе, всё рассказал, как было. Василий Захарович взял паузу и через пару недель вызывает на беседу. Предложил решить все вопросы, и с армией, и с переездом. Сначала в Германию, ну а уж затем как получится. Условие только одно было – с квартирой я прощаюсь. Дядя Вася говорит: «Не себе хату беру, дело твоё денег стоит, причём солидных денег». Я, не думая, согласился, заначка у меня была небольшая. Василий Захарович ещё обещал маленько подкинуть, так что на первое время хватило бы, и я дал согласие. В итоге что вышло: в части получили документ, что я умер, на руки мне был выдан новый паспорт и прочие документы, в том числе приглашение посетить ФРГ и виза. Времени оставалось мало, надо было спешить. Теперь меня с родными пенатами ничто не связывало, разве что появившаяся привязанность к санитарке. Всё же в трудную минуту подняла она меня и к жизни вернула, а такое невозможно забыть. Звали девушку Светлана, симпатичная, беленькая такая, умница девчонка. Тяжёлый у меня с ней был разговор, поклялся, что через год выдерну её отсюда, и поверила она мне.

Дальше был перелёт в Бонн, скитания по чужбине. Рассказывать не хочется, слишком всё тоскливо было. Светлане я писал, писал, чуть ли не еженедельно, и ответы получал сначала так же часто, затем всё реже и реже, и примерно спустя полгода Света попросила больше не писать. Влюбилась она и готовилась выйти замуж. Что же, жаль, но что подела-

ешь, жизнь есть жизнь. Я её, безусловно, понимал, с грустью вспоминал и в душе благодарил за всё доброе, что она мне сделала. После Германии был Израиль. К моменту переезда в Израиль сестрёнка моя вышла замуж за янки и переехала к мужу. Конечно, мама была с ними, так что родных своих я в этот раз не увидел. Жить я устроился в небольшом городке близ Тель-Авива, Бат Ям называется. Здесь, как оказалось, проживало много нашего брата. Были неплохие возможности трудоустройства, и вообще это один из самых приятных городков Израиля, по крайней мере, мне так казалось тогда.

Иврит я немного знал, ещё дома родители обучали. Здоровье было армейское, желания трудиться хоть отбавляй, так что всё сложилось нормально. Обзавёлся семьёй, две девочки у меня, а сейчас уже и четверо внуков. С работой также всё сложилось: сначала грузчиком и экспедитором, бомбил на машине, поднакопив денег, создал туристическую компанию. Пахал, как папа Карло, работал и учился, снова работал. Одним словом, своим горбом получил своё нынешнее положение, сейчас вице-президентом банка тружусь. Вот так, если коротко.

Я, честно говоря, такого откровения от друга своего не ожидал. Всё, что Володька сказал сейчас, требовало ещё хорошего осмысления. Да, судьбинушка погоняла его, понятно, а вот по виду не скажешь. Симпатичный седовласый бизнесмен средней руки, так бы и оценил его, встретив внезапно. И барства в нём ни капли, и говорит – сразу чувствуешь,

искренне. Более полусотни лет не виделись, а ведь вспомнил, дружище, всё вспомнил, а потому и поделился рассказом о жизни своей.

О себе

После такого откровения и мне следовало рассказать о себе. Вижу, спросит сейчас друг мой Вовка, что да как.

Итак, о себе.

– У меня, Володя, как молодняк говорит сейчас, было всё «в шоколаде». Тяжело, правда, в девяностых было. Оно и понятно – горбачёвская перестройка всем нервы, а то и жизнь испортила. Меня тоже пощипала. Но в итоге – всё в норме.

Карьера военная складывалась удачно, я ведь, будучи лейтенантом, перешёл на политическую работу, по стопам отца пошёл. Сначала комсомолом командовал, затем повыше назначен, академию закончил, причём обучение с медалью завершил. Вновь на повышение пошёл. Даже делегатом последней партконференции был. Дальше вновь рост, Москва, центральный аппарат Министерства обороны, полковника получил в сорок лет. На этом всё. Господин Горбачёв и иже с ним на улицу выперли, хорошо, что пенсию хоть заработал, – я ведь и северные имел. Так что в сорок лет с крепкими мышцами и неплохим здоровьем я был вышвырнут за КПП, условно говоря. Жилья всё же добился, в 1992 году получил трёхкомнатную квартиру в Москве. Это, как я сейчас понимаю, моей семье очень повезло, у многих сослуживцев всё сложилось гораздо хуже.

И знаешь, безнадёгу ощущал не меньше твоего. Обидно

было, ведь ещё лет пятнадцать мог служить. Но мозги, опыт военной службы, опыт воспитательной работы уже не требовались. И вот здесь в дела семьи включилась моя супруга. На удивление, она оказалась настолько предприимчивым человеком, что семья ни в чём не нуждалась. Смотрел я на неё и удивлялся: откуда у неё всё это? Потом понял: и образование, и опыт, и контактность, и мудрость не по годам – всё это у неё от жизни. Она ведь жена офицера. Я уезжаю в гарнизон, она с детишками за мной. Детей в сад, ясли, сама на работу. Переезд – снова та же картина. Кем только она не работала: и воспитателем в садике, и учительницей, и библиотекой заведовала, и инженером по организации труда на заводе работала, и санитаркой в госпитале. Устраивалась везде сама, нигде не нужен был мой начальствующий голос. А когда семье стало тяжело, на себя приняла весь этот груз, сумела в бизнес ворваться. И ухитрилась себя в нём найти, найти источник заработка, и нишу созданные ею предприятия нашли в этом молодом российском бизнесе. Я покувыркался было самостоятельно, попробовал как-то определиться в бизнесе, да куда там! Оказалось то, с чем я призывал подчинённых бороться, – крохоборство, спекуляция, воровство, обман – всё это стало категориями того самого бизнеса, в котором мы очутились в восьмидесятые и девяностые. И тут собственные мозги за год не поменять. Учителем в школу или в вуз я бы и не пошёл. И не потому, что преподавательской деятельностью по своему диплому воспользоваться не мог. Нет,

просто и детей, и студентов основам марксизма-ленинизма и научному коммунизму уже не учили. Долго мучился, но работать всё же пошёл, пересилил себя. И в подчинении у супруги трудился, и у дочерей бизнесу учился. Бизнес с производством связан, а значит, польза есть государству: рабочие места, налоги и прочее.

Работаем только «в белую», совесть чиста. Вот такие пироги. Детишки в порядке, трудятся, внучата растут, так что всё нормально.

Слушал меня Володя очень внимательно, не прерывал, хотя чувствую, хотел подробнее, что да как, расспросить, но время бежало, на часах уже к двенадцати, а столько еще не высказано.

– Саша, а Женя как, что у него, как там, где он?

Александров. Его любовь

Я ждал этого вопроса, ждал и боялся на него отвечать, но всё же пришлось.

– Женьки нет. Уже почти двадцать лет как умер. Вот так-то. Потеряли мы Женю. Ты ведь помнишь его. Высокий, стройный, осиная талия, чуть кривоватые ноги, лицо актёра, улыбка божественная. Так ты его видел последний раз девятнадцатилетним. С годами Женька возмужал, просто красавцем стал. Форма ему к лицу была, повадками весь в отца. Помнишь Семёна Ивановича? Тоже ведь красавцем был и в свои пятьдесят лет. У Женьки подруга была, Людой звали. Да, да, та самая красавица, в которую невозможно было не влюбиться, это была Софи Лорен. Так вот, эта красавица без ума была от Женьки, он тоже любил её. И ты представляешь, расстались они, уже через год, как мы уехали в училище, расстались. Видишь ли, она старше Жени на три года и очень боялась остаться одна, а Жене предстояло пять лет учиться. Он считал, что о женитьбе говорить рановато. Одним словом, разлад у них вышел, и очень серьёзный разлад. В какой-то момент Женя даже уволиться хотел, вот до чего дошло. Женьку в эти дни я просто не узнавал, замкнутый был, раздражительный, ни слова от него не добиться.

Но время лечит. Через год на танцах знакомят друзья Евгения с белокурой высокой девчонкой. Она была латышкой,

говорила так чудно́, с акцентом. Девушка очень красивая, улыбнётся, и как будто солнышко взошло. И, кстати, звали её Саулите, солнышко по-латышски. Глазки голубые, личико хорошенькое. И вот влюбилась она в Женьку. Тот ещё от Люды не отошёл – а тут блондиночка. Встречались несколько раз, больше ребята Женьку на эти встречи таскали. Не хотел он в тот момент никого, всё о гомельской подруге своей думал. Но всё же оттаял Евгений. И надо же, разгорелась такая любовь, такая... просто не верилось, что это наш Александров. Планировали они свадьбу сыграть, но не получилось. Умерла наше Солнышко, скоропостижно скончалась от опухоли в голове. Вот такие дела. Женька стал чернее тучи. Мама и отец его приехали, боялись за сына. Конечно, такие зарубины просто так не смываются. Тяжело было нашему другу. Выпивать стал, в выходные (а жили мы тогда на свободном режиме) в общаге бутылку вина заглотит и спит, не разбудишь. А однажды его, выпившего, парни познакомили с Майкой, симпатягой, высокой стройной рижанкой. По росту она была под стать Александрову. Через какое-то время отогрела его Майка, стали они встречаться. Дело приняло серьёзный, уже семейный оборот, и Александров женился. Старики его было возмутились, мама особенно, не хотела она в дом простушку. Говорила, дескать, не его это пара, он достоин лучшего, но дело сделано: Женька стал женатыком. Две девочки у них родились, и племянницу, дочь погибшей сестры Майи, удочерили, так что был Женя много-

детным отцом.

Военная карьера складывалась у Александрова просто блестяще. В 1971 году он уезжает на космодром Байконур. Здесь Женя служил более двадцати лет. За это время участвовал в лётно-конструкторских испытаниях более двухсот баллистических ракет в интересах ракетных войск стратегического назначения. Руководил подготовкой и пуском двенадцати ракет с главного, Гагаринского старта, между прочим, руководил запуском двух ракет с космонавтами на борту. Вот кто такой наш Женька. И это уже был не просто Женька – это был уважаемый и почитаемый человек, полковник, заслуженный испытатель космодрома Александров Евгений Семёнович. А с таким опытом куда дальше двигаться? Ясное дело, в академию, в Питер. И вот он с семьёй в Санкт-Петербурге. Всё складывается удачно. Преподаёт. Получил квартиру. Все устроены, и супруга, и девочки, но грянула беда. Накануне своего пятидесятилетия Женя тяжело заболел, и в феврале 1997 года он умер. Я узнал о его кончине в тот же день, 7 февраля это было. Отец позвонил. Я просто был в шоке и, не стесняясь, плакал. Не должно было такого быть, просто несправедливость какая-то – красивый, сильный мужчина умирает в расцвете сил, жизнь его только начиналась, и вот смерть... Кто её, старуху поганую, звал...

Не смог я на похороны к Женьке поехать. Сам в те дни отходил после госпиталя, не мог чисто физически, за что кляну себя по сей день. Надо было поклониться другу, увидеть

его в последний раз, но, видишь, не смог.

В общем, потеряли мы брата своего, друга нашего Женю Александрова.

Закончил я свой рассказ, смотрю на Володю. А он сидит, лицо каменное, бледное, на глазах слёзы. Задел, видать, мой рассказ. Не верилось ему, да и не только ему. Я сам с трудом понимал то, о чём рассказывал.

Старики

Пришло время и о стариках наших рассказать.

Родителей наших нет уже в живых, годы своё берут, никуда не денешься. Что касается моих, то мама в 1995-м умерла, диабет у неё был. Зрение потеряла, правую ногу ампутировали, сердечко слабое, но виду не подавала, крепилась. Мы с сестрёнкой периодически приезжали домой, всегда звонили, писали письма. Одним словом, общались постоянно и поддерживали стариков, как могли. Батя мой крепок был, сибирская у него закалка. В его роду меньше восьмидесяти пяти и не жили, и отец готовился восемьдесят пять отметить, но не успел. Страдал он болезнью Паркинсона, отвратительная болячка, от неё трясучка, нервы сдают, двигательный аппарат разбалансируется. Лет двадцать на таблетках держался. С годами лекарства всё более сильные нужны были, а медицина наша – сам понимаешь, пока допросишься чего-то нового, это новое уже старым становится. В январе 2010-го умер мой батя.

У Жени мама сдала сразу после его смерти. Ты же понимаешь, не дело это, когда дети умирают раньше родителей. Раиса Ивановна боготворила сына. Он для неё был всё, а с его потерей стала она угасать, где-то года два прожила после его смерти. Семён Иванович почти до девяноста лет дожил, до последнего дня работал. Мастером в ПТУ трудился,

только трудом своим и жил. Не то чтобы за деньги работал, нет, просто он не мог не трудиться. Он всё говорил: «Вот как только уйду с работы, так сразу и помру». Интересные они люди, старики наши. Как-то раз в отпуске наблюдал я такую картину: дома батя и Женькин отец сидят за рюмашкой, праздник какой-то был, не помню уж. Так вот, сидят и рассуждают, от чего почётнее умереть – от сердечного приступа или рака аденомы простаты. Рассуждают, шутят, смеются. Смотрел на них я и просто диву давался: на девятом десятке оба тогда были, а всё туда же, шуткуют, видите ли. Кстати, мой отец и Семен Иванович, когда и жёны живы были, поддерживали добрые дружеские отношения, а после смерти жён сильно они сдружились. Через день ходили в гости друг к другу, чаёвничали, книги обсуждали. Оба в литературе здорово разбирались, прежние года вспоминали. Вдвоём интересно им было общаться, главное, всегда есть общие темы и знание предмета разговора.

Питер. Расставание

Было где-то уже часа два ночи, а мы всё говорили, говорили. Эта ночь была нашей ночью памяти. У меня и сердечко поддавливало, и на глаза слёзы периодически наворачивались. Володька тоже не был спокоен. Мы с ним как бы вернулись на полста лет назад, в круг друзей и родных наших. Коньяк почти не тронули, не до того было.

– Знаешь, Саня, давай прямо сейчас в Питер рванём, к Женьке на могилку ходим. Когда ещё будет такая возможность – втроем побыть!

Это было предложение под настроение, от души, и очень серьёзное предложение. Для меня оно было настолько серьёзным и понятным, что я, не думая, согласился.

– А твоя работа? Ты же в Израиль сегодня улетаешь.

– Только после Питера...

В половине пятого утра мы были в Шереметьево, в шесть в самолёте, а в половине восьмого – в Пулково. Я успел разбудить своих питерских друзей, чтобы узнать, как добратся до Женькиной могилки. Напугал звонком жену. Правда, она в момент поняла всё, и моё состояние, и настроение, она знала, что я встречаюсь с Володей.

Вот мы в такси, а вот и оно, Серафимовское кладбище Северной столицы. Чёрного цвета решётчатая оградка, два надгробия. Справа большая плита чёрного мрамора, на ней

фотография Евгения в парадной форме, со всеми регалиями. Слева чуть меньше плита, тоже чёрного мрамора, с изображением его жены, Марии, Майи, как её называли друзья.

– Удачные фотографии. Смотри, они улыбаются...

Лучше бы Володька этого не говорил. Мы оба разрыдались. И не по-мужски заплакали, а как-то по-бабьи завыли, взхлёб... Слёзы, сопли... Некрасиво как-то получилось...

Через несколько минут наступило облегчение, будто мы просили прощения у нашего Женьки за то, что мы живы, а его нет с нами. И вот он простил нас. По Володькиным глазам я понял, что и он ощущает нечто подобное.

Постояли мы в оградке, наверное, с полчаса. Не вдвоём мы здесь стояли, трое нас было. Три товарища, три паренька, которые в той, старой, прошлой жизни поклялись дружить и не предавать друг друга. Той прошлой жизнью мы дорожили, а новая как-то всё по-своему разрушила, перекроила всё по своим канонам, но нас она не сломала. Смотрите, вот мы с Володей, сильные, крепкие, ещё не старые. И в этой жизни состоявшиеся люди. И Женька с нами, наш Женька, замечательный человек, русский офицер, отдавший себя всего стране своей.

Вновь такси, самолёт, Шереметьево. Здесь мы с Вовкой и расстались. Его уже ждали коллеги. Посадка на самолёт в Тель-Авив была объявлена. Попрощались сдержанно. Все эмоции расплескались, но оно и к лучшему. Договорились не терять друг друга, звонить и по возможности встречаться.

Молча обнялись и разошлись.

Просто солдат

Он прошёл три войны. Подумать только, три долгие страшные войны, почти шесть лет испытаний сушей и морем, окопами, лесами и болотами, разрывами снарядов и мин, контузией и недомоганиями, морозом и зноем. Шесть лет тревог и бессонных ночей, горя потерь боевых товарищей, радости побед.

Неужели на такое способен человек?

Сложно поверить.

Русский солдат Алексей Андрианов прошёл эти фронтовые дороги.

Чинов был он малых, рядовым ушёл в Финскую, в тридцать девятом, а домой из Порт-Артура вернулся в сентябре сорок пятого, сержантом, с орденом на груди и боевыми медалями.

Кто он, этот русский солдат?

На Псковщине, в Гдовском районе, стоит деревушка Верховье-второе, она и сегодня жива, правда, старожилов нынче в ней нет, дачники всё больше. Места здесь чудесные, в трёх десятках километров знаменитое Чудское озеро, до реки Плюссы рукой подать. Так вот, именно здесь, в этой деревушке, и родился Алексей Андрианов.

Отец его и матушка строги были к отпрыскам, занимались детьми серьёзно, к труду не только призывали, но и приучали. Отец, Сергей Афанасьевич, мастеровым был человеком, на ногах стоял прочно, хозяйствовал уверенно, во всей округе знали сапожника Афанасьича, от заказов отбоя не было, за работу брал недорого, обувка у него всегда справной и добротной выходила. В середине двадцатых проводили в последний путь маму, Марфу Васильевну, и остался Сергей Афанасьевич один с шестью детьми: старшему – тринадцать, младшей – три годика. Маму заменила десятилетняя Маша, в семье её с уважением стали звать МСА – Мария Сергеевна, и это звание сохранилось за ней на всю жизнь.

В тридцать пятом неожиданно пришла в их дом беда. Арестовали старшего Андрианова и двух его сыновей, достигших к тому времени совершеннолетия. Ладно бы за труды их, к примеру, сапоги плохо шили, так нет, по политическим делам взяли. Какой из мужика политик? Просто креп-

кий трудяга, и всё, но не нравилась кому-то самостоятельность Андриановых, вот к кулакам и причислили. Замести в те времена могли по любому делу, вот и Сергей Афанасьевич с сынами попали в так называемый кировский поток. После убийства Сергея Мироновича Кирова люди десятками тысяч арестовывались и ссылались.

Семью Андриановых выслали на Урал, в Свердловскую область, городок Невьянск. Тяжело было на новом месте, но ничего, прижились. Отец по-прежнему сапожничал, а дети помощниками ему были.

Алексею в то время было шестнадцать лет, взрослый уже паренёк, надо было определяться с будущим. Рядом, в Свердловске, был техникум связи, сюда молодой человек и поступил. В те времена связь, радио и телефония в моде были, и учёба в таком заведении почиталась за честь. Всё бы хорошо, но вот спустя четыре года учёбы, когда готовились документы для учебной практики, аукнулась ему отцова ссылка, местное НКВД напомнило ему, что он сын врага народа.

Из техникума пришлось уйти.

Куда идти? Долго не выбирал, само время подсказывало, в военкомат надо, тяжёлые испытания ждут страну, это чувствовалось.

Был октябрь 1939 года.

Алексей Андрианов зачислен красноармейцем в 613-й мотострелковый полк 91-й мотострелковой дивизии. Дивизия формировалась в Ачинске.

30 ноября 1939 года началась Советско-финская война. Дивизия готовится к передислокации. В ноябре – декабре шла подготовка и слаживание подразделений, а в январе 1940 года дивизия переходит в подчинение резервной группы Ставки и направляется в Лугу. С 20 февраля дивизия сражается в районе Финского залива. 29-го атакует Макслахти. В марте дивизия переводится во фронтовой резерв. Далее участвует в наступлении на Таммисуо. Таммисуо – это небольшая станция в Выборге. В переводе с финского Tammissuo означает Дубовое болото, по самому названию понятно, насколько тяжелы эти места. Пронзительный холод, ветер, болотистая местность. Хоть и зима, но то, что здесь болото, бойцы чувствовали на себе. Без лыж здесь никуда. Красноармеец Андрианов участвует здесь в вылазках, засадах, жестоких боях под Выборгом.

Финны пытались любой ценой удержать Выборг. Бои в этих краях были тяжелейшие. На фронте Мусталахти – Таммисуо части дивизии преодолели затопленные районы и вышли на рубеж Талимюллю – Конкала. На этом боевые действия его дивизии в связи с подписанием перемирия и закончились.

Красноармеец Андрианов жив, здоров, нет ни царапинки на его теле, повезло ему. В боях под Выборгом много он повидал смертей, друзей терял, сослуживцев. Двадцать два года ему всего, но серьёзен парень стал, не по годам серьёзен. Был он вынослив, смел, дело своё солдатское хорошо осво-

ил, потому и жив оставался.

Далее дивизия, а вместе с ней и маленький винтик этого огромного военного механизма красноармеец Андрианов, передислоцируется в Песочное. С 22 марта части и подразделения занимаются формированием оборонительных сооружений под Ленинградом, обустройством военно-морской базы на северных рубежах Союза ССР. С 7 апреля письма от Алексея Андрианова идут уже с Ханко.

Полуостров Ханко, находящийся на северном берегу Финского залива, непосредственно на входе в него, был важнейшим стратегическим рубежом защиты Ленинграда. После Зимней войны, с марта 1940 года, южная часть полуострова с городом Ханко и прилегающими островами передаётся СССР в аренду, именно здесь и создаётся военно-морская база.

Территориальное расположение определяло основную задачу базы – не допустить проход в Финский залив, к Ленинграду, ни одного вражеского корабля и обеспечить свободу действий Балтийскому флоту. Также предполагалось, что именно здесь будут базироваться торпедные катера, подводные лодки и части ВВС КБФ². Несмотря на территориально выгодное положение и стратегическое значение, здесь была масса проблем. Прежде всего, это недостаточно подготовленная инфраструктура, как инженерная, так и специальная, а это связь, маскировка, организация сохранности

² Военно-воздушные силы Краснознамённого Балтийского флота.

огромных материальных ресурсов. Для решения этих в предвоенных условиях архиважных задач и подбирались специалисты. Алексей Андрианов, был отменным связистом, так что его силы и возможности были здесь востребованы в полном объёме.

К лету 1941 года задача строительства базы была успешно решена.

Личный состав ВМБ³ формировался из многих частей и соединений, в составе которых было много участников Финской войны. За боевые заслуги во время боевых действий большое количество бойцов были представлены к орденам и медалям. К ордену Красной Звезды представлен и красноармеец Андрианов. Он в составе группы готовился выехать 22 июня в Ленинград для получения ордена. Но награждение не состоялось, 22 июня 1941 года началась война.

Это была его вторая война. Застала она его на ВМБ Ханко краснофлотцем, так как вся база была подчинена командованию Балтийского флота.

Тот период прекрасно описан историками, исследователями, публицистами. Есть немало художественных материалов о героических страницах того времени. Вспомните хотя бы замечательную книгу «Гангутцы» Владимира Александровича Рудного. С документальной точностью и большой художественной силой автор описывает, как в течение почти шести месяцев советские моряки и солдаты на маленьком

³ Военно-морская база.

ключке суши дни и ночи отражали вражеские атаки. Живыми предстают перед нами многие защитники Гангута – командиры, политработники, матросы и солдаты, – мужественные воины, достойные вечной славы.

Кстати сказать, в подразделении, где служил А. Андрианов, почтальоном был Дугин, в последующем замечательный поэт, Герой Социалистического Труда Михаил Александрович Дугин. А в те дни для бойцов он был просто Мишка. Именно здесь, в суровых боевых условиях, открылся и окреп его поэтический дар.

А вот материал публициста Евгении Бритько.

«Немецкое командование ставило перед собой задачу: как можно быстрее захватить полуостров. С этой целью в июне 1941 года была организована ударная группа “Ханко”. Атаки противник начал 26 июня мощным артобстрелом и попыткой высадки десанта. В этот же день президент Финляндии Р. Рюти заявил, что *“советские военные части на Ханко – это важнейшие силы на суше... Ханко – это пистолет, направленный прямо в сердце Финляндии!”*» Как вспоминал в своих мемуарах Сергей Иванович Кабанов: «Количество артударов по базе возрастало с каждым днём, в особо ожесточённые дни финские артиллеристы расстреливали до 8000 мин и снарядов. При этом защитники в связи с дефицитом могли расходовать не более 100 снарядов в сутки. Как и опасались перед войной, база оказалась под перекрёстным обстрелом. За 164 дня героической обороны по ней было вы-

пущено около 800 тыс. мин и снарядов – свыше 40 на каждого человека.

Для того чтобы уменьшить эффективность огня противника, командованием было принято решение о захвате прилегающих к Ханко островов, на которых располагались наблюдательные посты и огневые позиции. С этой целью был сформирован десантный отряд под командованием капитана Б. М. Гранина – опытного офицера, удостоенного ордена Красного Знамени ещё во время финской кампании. “Дети капитана Гранина” – так десантники называли сами себя. За период с июля по октябрь благодаря грамотным совместным действиям береговой артиллерии и авиации была произведена высадка 13 десантов, которыми были захвачены 19 островов. Наступательный дух защитников Ханко был удивителен, поскольку, находясь фактически в глубоком тылу противника, люди рвались в бой. Для усиления противовесной обороны возле Ханко было произведено свыше 350 минных постановок...

...После захвата немецкими войсками Таллина положение на Ханко усугубилось. Прекратилась поставка боеприпасов, горючего и продовольствия. Приближение зимы создавало трудности как для обороны самой базы, так и для связи её с внешним миром. В конце октября было принято решение об эвакуации гарнизона. Последний корабль ушёл из Ханко 2 декабря. На самой базе было взорвано всё оборудование и вооружение. В Ленинград было доставлено свыше

22 тыс. человек.

Приказом Народного комиссара ВМФ от 10 декабря 1941 года военно-морская база Ханко была расформирована, её части переданы в другие формирования флота.

Оборона полуострова позволила отвлечь часть финских войск от наступления на Ленинград, а также не допустила проникновения вражеского флота в Финский залив. Оборона Ханко вошла в историю как пример грамотной, умелой и самоотверженной борьбы в шхерно-островном районе...»⁴

Война здесь, на этом клочке советской земли, была очень жестокой. Не знал краснофлотец Андрианов стратегических замыслов, задач тактических манёвров, что были в эти месяцы на полуострове, да это, наверно, ему и не надо было знать. Но он хорошо знал своё дело, он воевал, мёрз в окопах, восстанавливал связь, ходил в разведку, он делал всё, чтобы приблизить час победы. Он вновь терял друзей, товарищей по окопной жизни.

Враг давил с воздуха, с суши, с моря. Давил снарядами, пулями, минами, морально давил. На защитников Ханко сбрасывались сотни килограммов листовок: «Сдавайтесь! Сложите оружие! Идите в плен!»

И они отвечали, зло отвечали, с солдатским сальным юмором и ненавистью к врагу.

10 октября 1941 года в ответ на предложение Густа-

⁴ Статья «Героическая оборона Ханко: непобеждённый Гангут». Е. Бритько. Июнь 2015. Материал из интернета.

ва Маннергейма о сдаче в плен гарнизон советской военно-морской базы Ханко написал свой ответ Маннергейму в духе письма запорожцев.

«ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ ПРИХВОСТНЮ ХВОСТА ЕЁ СВЕТЛОСТИ КОБЫЛЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ, СИЯТЕЛЬНОМУ ПАЛАЧУ ФИНСКОГО НАРОДА, СВЕТЛЕЙШЕЙ ОБЕР-ШЛЮХЕ БЕРЛИНСКОГО ДВОРА, КАВАЛЕРУ БРИЛИАНТОВОГО, ЖЕЛЕЗНОГО И СОСНОВОГО КРЕСТА БАРОНУ ФОН МАННЕРГЕЙМУ

Тебе шлём мы ответное слово!

Намедни соизволил ты удостоить нас великой чести, пригласив к себе в плен. В своём обращении вместо обычной брани ты даже льстиво назвал нас доблестными и героическими защитниками Ханко. Хитро загнул, старче!

Всю тёмную холуйскую жизнь ты драил господские зады, не щадя языка своего... Но мы народ не из нежных, и этим нас не возьмёшь. Зря язык утруждал. Ну хоть потешил нас, и на этом спасибо тебе, шут гороховый.

Всю жизнь свою, проторговав своим телом и совестью, ты... торгуешь молодыми жизнями финского народа, бросив их под вонючий сапог Гитлера. Прекрасную страну озёр ты залил озерами крови. Так как же ты, грязная сволочь, посмел обращаться к нам, смердить наш чистый воздух?

Не в предчувствии ли голодной зимы, не в предчувствии ли взрыва народного гнева, не в предчувствии ли окончательного разгрома фашистских полчищ ты жалобно записал, как загнанная крыса?

Короток наш разговор.

Сунешься с моря – ответим морем свинца!

Сунешься с земли – взлетишь на воздух!

Сунешься с воздуха – вгоним в землю!

Красная Армия бьёт вас с востока, Англия и Америка – с севера, и не пеняй, смрадный иуда, когда на твоё приглашение мы – героические защитники Ханко – двинем с юга! Мы придём мстить. И месть эта будет беспощадна!

До встречи, барон!

Гарнизон Советского Ханко.

Октябрь, число 10, год 1941».

Листовка эта лежит в архиве Алексея Андрианова, сохранил её солдат.

Зимой 1941 года отбивалась от фашистов Москва. Зная, как тяжело защитникам столицы, гангутцы 2 ноября 1941 года пишут москвичам: «...Для нас нет другого чувства, кро-

ме чувства жгучей ненависти к фашизму. Для нас нет другой мысли, кроме мысли о Родине. Для нас нет другого желания, кроме желания победы... Здесь, на неудобной каменистой земле, мы, граждане великого Советского Союза, не испытываем одиночества, мы знаем, Родина с нами. Никогда не дрогнут наши ряды! Никогда не властвовать над нами фашистским извергам!...»

Это письмо было опубликовано в «Правде» 2 ноября 1941 года, а 3 ноября защитники Москвы отвечают героическим защитникам Ханко: «...Пройдут десятилетия, века пройдут, а человечество не забудет, как горстка храбрецов, патриотов земли советской, ни на шаг не отступая перед многочисленным и вооружённым до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского и миномётного огня, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма. Великая честь и бессмертная слава вам, героям Ханко!...» Защитники Москвы в письме клялись повторить «героический подвиг защитников полуострова Ханко».

Алексей Сергеевич как великую реликвию хранил вырезки из фронтовой «Правды» с письмами москвичей и гангутцев. В тот период братская поддержка, локоть друга и брата как никогда были нужны. Единство и товарищество были тем мощным оружием, которое так необходимо было защитникам страны. Он и детям, внукам своим рассказывал о тех суровых днях, боях не на жизнь, а на смерть во имя Родины. А пожелтевшие вырезки детям и внучатам только из

своих рук показывал, очень уж дорожил ветеран великими для него реликвиями.

Последний корабль ушёл из Ханко 2 декабря 1941 года, и вот именно на этом последнем транспорте находился и Андрианов. Корабль после жесточайшей атаки авиации был подбит. Много людей тогда погибло. Волной в ледяную воду выбросило и его. Спасли товарищи красноармейца, и на сей раз живым остался Алексей.

В 1942–1943 годах он в Кронштадте. Часть его непродолжительное время была на переформировании, затем вновь участвует в боевых действиях. Вновь вылазки в составе разведгрупп, отдых, вновь передовая. Те дни он вспоминал как особо трудное время. Бойцы были измотаны до такой степени, что ни есть не хотелось, ни пить, только спать. Уткнётся боец в блиндаже к теплу поближе – и всё, глубочайший сон. Спустя пару часов вновь в окопы. Некоторое облегчение он почувствовал, когда перевели в учебную группу, где готовили связистов, он уже инструктор по связи. Здесь, пожалуй, впервые в этой второй для него войне он особо остро переживал за родных. Письма приходили не часто, порой сразу по несколько штук. Он жадно перечитывал скупые карандашные строки, написанные отцовой рукой, и в мыслях возвращался в родной дом. Переписывался он и с Марусей – девушкой, что ждала его в родных краях.

С августа 1943-го он – старшина батареи 56-й отдельной морской стрелковой бригады, участвует в боях по прорыву

блокады Ленинграда.

В апреле 1943 года во Всеволожском районе Ленинградской области формируется 124-я стрелковая дивизия, позднее она будет переименована в Мгинско-Хинганскую краснознамённую ордена Суворова дивизию. В этой дивизии Алексей Андрианов пройдёт с мая 1944-го до Победы вторую и свою третью, последнюю войну.

Зачислен он в 46-й артиллерийский полк командиром отделения связи 7-й батареи. Он уже сержант.

В течение двух месяцев дивизия обучалась и несла службу на берегу Ладожского озера. Первый бой она приняла 13 августа 1943 года. В течение года дивизия вела бои на стыке со 2-й ударной армией, в том числе на Синявинских высотах.

С 21 января 1944 года части дивизии участвовали в Красносельско-Ропшинской операции, преследовали отступающего противника. При её участии были освобождены Ульяновка, Саблина, Тосно, Лисино-Корпус, другие города. С 26 января 1944 года дивизия выдвинулась в направлении Тосно, минуя посёлок, вышла к важному узлу шоссейных дорог и крупного опорного пункта противника – посёлка Лисино-Корпус – и 30 января 1944 года очистила его от противника, захватив большие трофеи.

После этой операции дивизия направляется на рубеж реки Нарва, где ведёт бои северо-восточнее Пскова. Летом 1944 года – новые задачи, она уже на Карельском перешейке, участвует в Выборгской операции.

Насколько тяжелы были бои, могут рассказать сухие строки представлений для награждения:

«Командир отделения связи 7-й батареи сержант Андрианов Алексей Сергеевич в боях юго-западнее г. Нарва при контратаках под сильным артиллерийским огнём противника 26 марта 1944 года обеспечил непрерывную связь, *устранил 100 порывов линии связи и вынес с поля боя четырёх раненых связистов*».

«9 июля 1944 года сержант Андрианов Алексей Сергеевич *проложил связь по водному рубежу с острова Суонион-Сари на остров Нойву-Сари и устранил за день 35 порывов линии связи*».

Казалось бы, связь – это не передовая, это обеспечение боевых действий, но представьте себе – сто порывов, это же в ключья разорванные провода, а связь работала. Водный рубеж – красиво звучит, но на самом деле это переправа вплавь с катушкой в руке, да ещё под свист пуль и осколков снарядов. Но главное, связью командир обеспечен, а значит, мог уверенно управлять боем.

В сорок четвёртом Алексей был серьёзно контужен. Накрыло их землянку прямым попаданием снаряда. Откопали сослуживцы, отлежался пару часов в землянке – и вновь в бой. А домой он писал: «Пять лет без царапины хожу, верю, жив буду и домой вернусь. Ещё не отлита для меня пуля и не сделан снаряд...»

Далее дивизия участвует в Восточно-Прусской операции.

Шаг за шагом Советская армия отвоёвывает всё новые и новые рубежи. Тяжёлые бои, вновь расставание с погибшими боевыми товарищами, и вновь вперёд и только вперёд.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны дивизия наступает северо-западнее Кёнигсберга, отсекая Земландскую группировку немецких войск.

1 мая 1945 года дивизия вышла на побережье Балтийского моря, здесь она выводится в резерв Ставки Верховного главнокомандования.

9 мая Великая Отечественная война завершена.

Части дивизии проходят переформирование, а в июне 1945 года дивизия перебрасывается на восток. Долго и медленно шли эшелоны на восток. Мелькали сожжённые и разрушенные города и сёла. На станциях их встречали как победителей, улыбками, женщины угощали домашней снедью, фруктами, свежими овощами. Эшелон шёл по родным для Алексея краям. Ехать мимо и не заскочить домой? Эх! Была не была. И вот он дома, отец, сестра. Слезы. Не видал он своих почти шесть лет. Успели и сфотографироваться на память. А через два дня он нагнал свой эшелон.

Дивизия со станции выгрузки с ходу брошена в бой, она участвует в Хингано-Мукденской операции, наступая на одном из самых тяжёлых направлений – Халунь-Аршанском. Участвует в освобождении китайского города Солунь. На 13 августа 1945 года части дивизии вели бои в районе города Гуандин-Шань.

Это была третья для сержанта Андрианова война.

Как рассказывал Алексей Сергеевич, была уже совершенно иная война, наступление шло бешеными темпами. Войска, получившие уникальный опыт в Великой Отечественной войне, стремительно шли вперёд.

Месяц, по сути, потребовался для полного разгрома миллионной Квантунской армии.

Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября 1945 года на борту линкора «Миссури» в Токийском заливе. В этот день сержант Андрианов вместе со своими боевыми товарищами праздновал Победу. Этот день святым остался для него на всю жизнь.

Победителем прибыл Алексей в родной дом. Шесть долгих лет позади. Орден Красной Звезды за финскую кампанию, медали «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией» – это вроде как география его личного подвига и личных побед. И ко всему этому первые седины на голове.

Ему двадцать восемь лет.

Жизнь продолжается.

Прежде всего, произошло событие, которое стало определяющим на долгие-долгие годы его жизни. Он женился. С избранницей своей он знаком ещё до войны, вместе учились в техникуме, они переписывались всю войну, понимали, что связаны они навсегда, и вот в 1946 году официально создана

молодая семья. Вдвоём с женой получили назначение и работают на радиостанции под Казанью. Один за другим рождаются трое сыновей: погодки Серёжа с Сашей и в 50-м – Женя. Трудно молодым родителям. Он решает, что надо закончить учёбу, и поступает заочно на четвёртый курс радиотехнического техникума в Казани. Год учится, и вновь МГБ⁴ ему напоминает, что он всё ещё сын врага народа: ему запряцают проходить стажировку на радиостанции, где он работает уже пять лет.

⁴ Министерство государственной безопасности.

Что делать? Шесть лет в солдатских сапогах с риском для жизни он честно служит Родине, и вот вновь недоверие. За что, почему?

А в мире вновь беспокойно: угроза развязывания новой войны заставляет усиливать оборону, особенно с воздуха. В СССР создаются войска ПВО страны, развёртывается сеть радиолокационных станций вокруг крупнейших городов. Требуются военные специалисты.

Алексей вновь, как некогда в тридцать девятом, идёт в военкомат. Далее – Пушкинское радиотехническое училище. Опять военные условия, опять разлука с любимой, да теперь ещё и с сыновьями. Как-то она одна справляется с тремя? И вот он офицер, младший лейтенант. Вполне самостоятельный человек. Теперь семья всегда с ним, куда бы ни бросала военная служба, все тяготы и лишения, связанные с его нелёгкой офицерской службой, они несут вместе.

Первое назначение молодой офицер получает в Ленинградский военный округ. Его часть стояла тогда под Ленинградом, в деревне Александровка. Служба для него была интересна, тем более что занимается он новым и важным делом, участвует в подготовке радиолокационной станции к несению боевого дежурства. Всего несколько месяцев напряженной работы – и далее Лупполово, новое место службы, севернее Ленинграда, вновь ставит оборудование на боевое дежурство, через два с половиной года его переводят в Выборг, там та же работа, и тоже на несколько месяцев. Семья, естественно, вместе с ним. Далее он переводится в Тихвинский район, в Сарожу. Здесь он служит четыре года, здесь его двое старших сыновей пошли в школу. В 1960 году переводится на повышение, но теперь уже в знакомые места – в Лупполово, начальником РЛС⁵. Последним местом службы Алексея Сергеевича был учебно-тренировочный полигон связи в Ломоносове, здесь он служил начальником, здесь же майор Андрианов и закончил службу.

После увольнения его семья квартировала в Ленинграде, но большую часть своего времени Алексей Сергеевич и Мария Александровна проводили под Гдовом, в родной деревеньке Верховье. Купили они небольшой домик, с ранней весны по осень в нём и проживали. Тянуло в родные края Алексея Сергеевича. Здесь всё было своё. Каждую тропку он знал с детства, каждый уголок леса им был изведан.

⁵ Радиолокационная станция.

Смотрел он на мощные липы и вспоминал рассказ отца об этих липках, отец их высаживал, малюсенькие они были, а нынче стоят вон какие крепкие да серьёзные. Три дедовых дубка тоже огромными стали. Грибы да ягоды в лесу такими же вкусными остались, как и в его детстве. Водил он по этим местам и своих сыновей, внучков, пересказывал им местные байки, знакомил с тайнами леса, его удивительными дарами, замечательной природой русского края.

* * *

Умер Алексей Сергеевич в декабре 1993 года, на три месяца пережив жену, свою единственную и любимую Марусю, Марию Александровну. Наследства королевского они детям не оставили, но главное сделали – прекрасных детей вырастили. Старший, Сергей, учёным стал, кандидат наук, начальником вычислительного центра Главной геофизической обсерватории имени А. И. Воейкова в Питере трудился. Средний, Александр, как и его отец, профессиональный военный, но в чинах отца обогнал, полковник, кандидат технических наук. Младший, Евгений, по рабочей стезе пошёл, токарь высшей квалификации, уважаемый человек. Сыновья женаты. Внуков у Алексея Сергеевича пятеро, все с высшим образованием, умные люди, временем востребованы, уж свои семьи имеют. А правнуков у Сергеича аж двенадцать.

Весь андриановский клан помнит деда, простого русского

солдата, чтит его, вспоминает не только в праздничные дни. Он для них всех настоящий пример трудолюбия, высочайшей ответственности, любви к Родине. А так и должно быть. Дети, внуки обязаны знать свои корни, помнить о них всегда, равняться на них, идти дальше. В этом, наверно, и есть высочайшая миссия Человека.

Защитница блокадного Ленинграда

В Санкт-Петербурге на стене дома № 16 по Кронверкской улице размещена приметная даже издалека композиция. На торцевой стене дома, примерно на уровне третьего этажа, на металлических балках установлена исполненная из бронзы женская фигура. Вниз по диагонали, вправо от фигуры, луч белого света как бы рассекает красную кирпичную стену, и в самом низу композиции находится мемориальная доска с надписью: «Женщинам, защитившим Ленинград», – и далее: «Посвящается женщинам – бойцам краснознамённой МП-ВО⁶ в годы блокады Ленинграда 1941–1945».

Наряду с многочисленными историческими памятниками, монументами, мемориальными сооружениями, обелисками современного Питера памятная композиция на Кронверкской напоминает о мужестве, чести, доблести и славе

⁶ Местная противовоздушная оборона.

тех, кто с первых дней Великой Отечественной войны защищал Ленинград, о самоотверженности бойцов противовоздушной обороны.

Здесь всегда цветы. Здесь всегдалюдно, особенно в дни, когда вспоминают прорыв блокады Ленинграда, и, конечно, в День Победы. И это закономерно. Ведь именно бойцы МПВО, большая часть из которых были женщинами, ежедневно, ежечасно защищали Ленинград. МПВО не имела своих зениток или самолётов для отпора врагу, полем боя для бойцов служили площади, улицы, крыши домов города. На хрупкие женские плечи легла огромная ответственность за жизнь родного города. Они первыми сообщали о налётах фашистской авиации, тушили вражеские «зажигалки», оказывали помощь раненым, были среди тех, кто боролся с огнём в охваченных пламенем домах. Подвиг этих незаметных, на первый взгляд, но абсолютно незаменимых бойцов бессмертен.

Что мы знаем о блокадном Ленинграде, о его защитниках? Наверное, всё или почти всё. Спустя десятилетия после победы над фашистской Германией исследователи, историки по крупицам восстановили и представили нам документы, факты, статистику беспримерного подвига ленинградцев. Сегодня мы знаем, сколько дней держался город, каковы его потери за эти блокадные дни. Известно, сколько создано защитных сооружений, разобрано завалов, уничтожено «зажигалок», спасено людей и вывезено умерших и по-

гибших. Сегодня мы знаем даже количество заготовленного торфа и дров. Известно даже, что в блокадном Ленинграде сигнал «воздушная тревога» подавался 649 раз общей продолжительностью 718 часов и 20 минут.

За сухими строчками и цифрами отчётов и статистики блокадных дней и ночей стоят люди, те самые бойцы противовоздушной обороны, на которых город всегда мог положиться, кому доверяли жители, кто был им всегда нужен. Школу выживания, школу великого мужества и борьбы в составе Ленинградской МПВО прошли сотни тысяч женщин. Мы и о них сегодня знаем многое. Им посвящены песни, о них слагались легенды, с них писались картины, ваялись памятники и обелиски. В стихах и прозе, просто в многочисленных мемуарах и воспоминаниях описан их подвиг. И в каждом новом повествовании заложена крупица истории и правды, частичка того великого подвига людей, которых сегодня мы с искренней любовью и уважением называем блокадниками Ленинграда.

Вот и ещё один рассказ о судьбе защитницы блокадного Ленинграда, старшего разведчика 20-го батальона МПВО Выборгского района Федотовой Евдокии Фёдоровны.

* * *

В двух комнатах коммуналки дома на проспекте Обуховской обороны, что рядом с Александро-Невской лаврой, все-

гда кипела жизнь. То, что комнатёнки малы, нисколько не смущало их обитателей. Большая семья Дины Федотовой жила дружно. Их было семеро. Пять сестёр и два брата.

Старший брат, Александр, с женой и семья старшей из девушек, Лёли, жили в комнате, что побольше. В маленькой комнате разместились остальные сёстры. Здесь же обособился и младший братишка Прохор – у него за ширмой было своё место. Тесно? Да. Многолюдно? Безусловно. Но им всего хватало. Мир этой семьи, достаток и настоящая дружба были отнюдь не от богатства, а от понимания того, что они родня, им не на кого положиться, кроме как на себя. Родителей молодёжь потеряла ещё в те годы, когда Александру было чуть за двадцать. С той поры Федотовы уговорились жить достойно, мирно, во всём поддерживать и помогать друг другу. И это получалось.

Днём все были заняты – кто на работе, кто на учёбе. Готовили пищу и убирались по очереди, конфликтов никогда не было, немногочисленные семейные доходы в первую очередь шли на нужды всей семьи и на младших: таков был порядок, его ещё родители завели. Становилось шумно, когда к вечеру все собирались: младшие готовились к школе, старшие, пообщавшись меж собой, тоже готовились к завтрашнему дню, выходили на прогулку в город или просто отдыхали с книгой в руках, развлекались игрой в лото, шашки, шахматы. Вот, пожалуй, и весь расклад. Так они и жили.

Дина была из двойняшек, её сестричка Иришка не очень

на неё походила, была она меньше росточком, по характеру скромницей и тихоней. Динка же, признанная заводила буквально во всём, была громогласна, активна, быстра. Ирина за ней чувствовала себя как за каменной стеной. Сёстры обожали друг друга. Мечтали они о разном. В тот 1941 год, завершая обучение в школе, Дина чётко себе представляла, что будет врачом, будет лечить и помогать людям. Ирина не имела конкретных планов на будущее. Она просто хотела окончить школу и устроиться на работу, а там уж как получится. И замуж она хотела – был на примете у неё чудесный рабочий паренёк, Сергеем его звали.

Но мечтам не суждено было свершиться. 22 июня началась война. А уже в ночь на 23-е первые сигналы сирены объявили воздушную тревогу, к городу пытались прорваться вражеские бомбардировщики.

О том, что будет война, в те годы не часто говорили. А уж в молодёжной среде эта тема не могла по сути своей быть приоритетной. Юношей и девушек звали, прежде всего, к активному труду, а уж потом к обороне. Большинство людей были уверены, и об этом вожди постоянно напоминали, – нас никто не победит, а если и случится провокация, то враг будет немедленно разгромлен.

И вот фашисты бомбят родной город. Первый шок позади. До сентября жило ещё понимание того, что ответ нашей армии и флота будет беспощаден, что идёт перегруппировка войск, накопление сил и вот-вот всё пойдёт по-иному. Но всё

шло не так, как хотелось. Началась эвакуация. Она коснулась не всех, прежде всего детских учреждений, некоторых промышленных объектов. Кто-то самостоятельно уезжал из города в надежде на скорое возвращение. А с восьмого сентября выехать уже не было возможности. Город был в кольце. Начался отсчёт блокадных дней и ночей, с 13 сентября реальностью стал уже и артиллерийский обстрел города.

Братья Дины, Александр и Прохор, муж Лёли уходят на фронт. В августе призываются в действующую армию её сестрички Маша и Паня. Трое их остаётся. Их некогда уютные маленькие комнатки кажутся теперь огромными и пустыми.

В городе вводится карточная система. Полки магазинов быстро пустеют. Старшая сестра Лёля работает в магазине, обслуживающем большую территорию района. Ей приходится, пожалуй, сложнее всех. Она дома за старшую. К тому же в магазине она с раннего утра и допоздна, и всё это время на ногах. Ей приходится постоянно видеть человеческое горе, слёзы голодных людей, их немой укор в глазах и беспомощность. По карточкам, которые люди отоваривали в магазине, уже с конца ноября 1941-го выдавалось 250 граммов хлеба на рабочих и вдвое меньше на иждивенцев.

Дина с Иришей пока дома. Забот и им хватало. До поздней осени и даже по первому снегу они, как и другие ленинградцы, вынуждены добывать пищу. Большим праздником было, если им удавалось вырыть картошку, пусть даже под-

мороженную, или капустные листья на окраинных огородах. Но это случалось всё реже и реже.

Как им удалось пережить эту зиму, одному Господу известно. Теперь они уже редко выходили из дому, порой даже не спускались в подвал по сигналу воздушной тревоги. Ирина слабела на глазах, исхудала вся, крохи добытого ела уже без охоты, больше пила воду. Дина, как могла, поддерживала сестрёнку, заботилась о ней, на ночь укутывала одеялами и прижимала к себе. А поутру буквально силой доставала из чуть тёплой постели, заставляла двигаться, поила чаем с травами, вновь укладывала Иринку в кровать – и бегом на улицу на поиск дров.

История свидетельствует, что в эти ужасные дни и ночи сорок первого на каждую смерть от вражеского снаряда приходилась сотня людей, умерших от голода. К середине зимы на улицах не осталось кошек и собак, даже ворон практически не было. Деревья в городских скверах лишились большей части коры и молодых веток – их собирали, перемалывали и добавляли в муку, лишь бы немного увеличить её объём. Блокада Ленинграда длилась к тому времени меньше года, но при осенней уборке на улицах города было найдено 13 тысяч трупов.

Первые дни весны принесли некоторое облегчение. Девушки пережили эту страшную зиму и уже с большей уверенностью смотрели на жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.